

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Б. И. ШАРЕВСКАЯ и Ю. А. ЗУБРИЦКИЙ

КЕЧУА — ИНДЕЙСКИЙ НАРОД АНДИЙСКОГО НАГОРЬЯ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

(Основные моменты формирования народности)

1

Кечуа — многомиллионный индейский народ, составляющий большую часть современного населения нескольких стран Андийского нагорья Южной Америки. По численности, по занимаемой территории, по удельному весу в экономической и политической жизни тех стран, где они расселены, кечуа представляют самый значительный народ из коренного населения Нового света. Уже один этот факт привлекает к ним особое внимание этнографа.

Наименование «кечуа» впервые встречается в письменных источниках 60—80-х гг. XVI в. Хронист эпохи конкисты Доминго де Санто Томас составил датированное 1560-м г. руководство по изучению языка кечуа¹. Разъяснение происхождения и значение этого наименования можно почерпнуть из географического описания Перу, датированного 1586-м г.² Из этих источников явствует, что инки, а за ними и конкистадоры применяли термин «кечуа» в двойном смысле. «Кечуа» назывались глубокие ущелья или долины Андийского нагорья такого типа, как, например, то, в котором лежит Куско. Буквально кечуа означает «теплая долина». Это наименование применялось инками, а потом и конкистадорами в отношении племен, обитавших в подобных долинах («люди теплых долин») в отличие от обитателей холодного плоскогорья — племен колья (аймара).

Насколько можно выявить факты из преданий, записанных первыми хронистами, древнейшая история кечуа представляется в следующем виде. Кечуа были одним из многочисленных племен Андийского нагорья: они жили в долинах с субтропическим климатом, расположенных вокруг современного города Абанкай, в 60 км к юго-западу от бывшего города Куско, недалеко от племени инков, обитавшего в

¹ Santo Tomás, Domingo de. Arte de la lengua quichua, compuesta por Domingo de Sancto Thomas, publicado de nuevo por Julio Platzmann. Edición facsimilar, Leipzig, 1891.

² Relaciones geográficas de Indias, Perú. Editor Marcos Jiménez de la Espada. 4 vols., Madrid, 1881—1887.

долине Куско. В начале XV в. кечуа, очевидно, были одним из самых больших и могущественных племен в области Средних Анд. Они занимали территорию, позже известную в государстве инков как провинции Чанка (или Андауайлья) и Котапампа. Вероятно, в это время они представляли уже союз нескольких племен, говоривших на близких между собой диалектах. В первые же десятилетия XV в. на кечуа с запада напало племя чанка и вытеснило их с территории будущей провинции Андауайлья (которая поэтому стала потом называться также провинцией Чанка). Во время нападения племени чанка кечуа, возможно, состояли в союзе с инками; во всяком случае инки одержали победу над чанка в 1438 г. В последующие десятилетия под руководством военного вождя и правителя Пачакути (1438—1463) инки завоевали ряд племен и положили начало образованию государства, которое достигло наивысшего расцвета примерно к 1525 г.³

Очевидно, племя инков говорило на языке, близком к кечуа или представлявшем один из его диалектов. В начале XV в. в период могущества племени кечуа и союза с ним инков последние перешли на язык, позже получивший название «кечуа». Сами инки и кечуа называли свой язык «руна-сими», буквально «человеческий язык». В период возвышения инков и образования их государства кечуа стал преобладающим языком. Обязательное введение языка кечуа в завоеванных областях и применение его в системе административного управления, а в связи с этим обязательное обучение языку кечуа всех должностных лиц и высших слоев общества в завоеванных областях было одним из наиболее значительных моментов в формировании централизованной деспотии инков. Распространение языка кечуа шло также и другим путем: инки переселяли часть завоеванных племен из их родных областей в другие, и часть кечуа оказалась расселенной за пределами их первоначальной этнической территории. Поэтому значительная часть населения государства инков или говорила на кечуа, как на родном языке, или употребляла его в качестве второго при взаимоотношениях с властями.

Ко времени испанского вторжения племена кечуа были расселены на территории 8 провинций: Куско, Кечуа, Янауара, Вилькапампа, Ларе, Паукартампо, Кавина, Чильке. Наименования Кечуа, Янауара, Ларе и Кавина совпадают с названиями племен, обитающих в них. В Куско, которое состояло из столицы и прилегающей территории, жило 7 мелких племен, в том числе и племя инков (Inca, Inga). В Паукартампо жило племя поке. В Чильке, кроме племени чильке, жили еще маска, ако, папре, куйо. Эти провинции составляли компактную территорию с центром Куско. По протяженности территория эта была невелика, во всяком случае гораздо меньше, чем территория, занятая аймара и другими более мелкими племенами.

От многих племен не сохранилось наименований, но и сохранившихся насчитывается несколько десятков. Каждое из них имело свой язык или диалект и характерные черты материальной культуры. Последние засвидетельствованы археологическими памятниками. Племена отличались также по уровню общественного развития (почти все они стояли ниже кечуа и инков) и по своему положению в государстве. Племена кечуа — собственно кечуа, янауара, ларе, кавина и чильке — получили еще в правление Пачакути, в половине XV в., право считаться «инками по привилегии». Они были освобождены от наиболее тяжелых повинностей. Таким образом, к моменту вторжения испанцев кечуа почти сливались с инками; в представлении подчиненных племен они

³ Garcilaso de la Vega (El Inca). Primera parte de los Comentarios Reales... Madrid, 1723, ч. 1, кн. 3, л. 44. Цитир. по «Handbook of South American Indians», Washington, 1946, стр. 189.

и их язык были неотделимы от системы централизованного управления инков и противопоставлялись множеству подвластных инкам племен.

Испанское завоевание уничтожило государство инков. Колониальные власти использовали классовые различия в индейском обществе, выделяя знать — курака, наделяя их привилегиями, назначая на административные должности. Племенные различия перестали играть роль в реальном положении отдельных групп населения. Индейские племена утратили всякую независимость, они подвергались тяжелому угнетению со стороны должностных лиц — коррехидоров. Кроме выплаты дани, индейцы обязаны были выполнять трудовую повинность — миту. Отбывавших миту отсылали на далекие расстояния от родины в рудники, на строительство дорог и общественных зданий, на плантации. Срок устанавливался произвольно, и на деле митайосы редко возвращались на родину; они умирали на чужбине от голода и непосильного труда. Взимание дани и другие виды принудительных поборов уравнивали все племена в их бедствиях, а мита перемешивала и скрещивала представителей разных племен, объединяемых в условиях жестокой эксплуатации и отрыва от родины.

Особую роль в колониальном угнетении индейцев играло католическое духовенство. Миссии, конгрегации, ордена и другие духовные организации получали от короны огромные поместья, так называемые «редукции», к которым прикреплялись для эксплуатации массы индейцев. При этом часто намеренно насильственно переселяли и расселяли индейские племена. Вся система колониального управления была направлена к тому, чтобы подавить волю к сопротивлению, разъединить до предела и ослабить индейцев. Однако факты исторической действительности опрокинули политику колонизаторов.

Тяжелое угнетение, жестокая эксплуатация и свирепые поборы будили ненависть к угнетателям и поднимали массы на борьбу. Весьма знаменательно, что неоднократные восстания поднимались под лозунгом восстановления «империи инков» и вожди принимали титул «великого инки». Таково было восстание 70-х гг. XVII в. в Тукумане (современная Аргентина) под руководством Педро Бооркеса, затем восстание в Перу в 1742 г. во главе с индейцем племени кампа Хуаном Сантосом. В 1765 г. в Кито (современный Эквадор) городская беднота, состоявшая из индейцев, подняла бунт против испанцев.

Наиболее значительным было революционное движение, развернувшееся в Перу и Боливии в 1780—1781 гг., которое вовлекло десятки тысяч индейцев — кечуа, аймара и мелких племен. Во главе его встал молодой касик (старейшина) деревни Тунгасука провинции Тинта — Хосе Габриель Кондорканки. Он провозгласил борьбу за восстановление государства инков и принял титул и имя последнего «великого инки», боровшегося против испанцев, Тупак-Амару. Собрав до 60 тысяч повстанцев, он освободил индейцев нескольких провинций, отменил миту и предпринял осаду Лимы. Огромные массы индейского населения с воодушевлением встали под его знамена. Но большая испанская регулярная армия разбила повстанцев, и в мае 1781 г. Кондорканки со своей женой и двумя сыновьями был казнен. Некоторое время борьба еще продолжалась под руководством брата Тупак-Амару — Диего Кристобая. Революционное движение 1780—1782 гг. было буквально потоплено в крови, но воспоминания о нем сохраняются в памяти индейцев-кечуа до сих пор.

Восстания индейцев были проявлением протеста народных масс против насилий и грабежа ставленников феодальной испанской монархии. В то же время они свидетельствовали, что за несколько столетий, прошедших со времени испанского вторжения, произошли значительные изменения в жизни индейских племен. Если во времена инков подчиненные племена смотрели на них, как на угнетателей, то теперь, когда

железный сапог испанских конкистадоров сравнял всех в бесправии, государство инков стало символом независимости. Если раньше язык кечуа был языком угнетателей, то теперь он стал символом свободного развития самобытной индейской культуры. Тот факт, что миссионеры переводили на язык кечуа молитвы и церковную литературу, не мешал этому отношению к кечуа, а практически даже способствовал его распространению.

Миссионеры пользовались языком кечуа для проведения насильственной христианизации, а также для записи преданий и легенд. От первого периода колонизации остались сборники текстов на языке кечуа, записанных латинизированным алфавитом. Наиболее ранние тексты не представляют цельных памятников, это разрозненные предания, сказания, гимны, песни. Из косвенных источников известно, что наиболее развитой формой устного творчества на языке кечуа в колониальный период были драмы народного театра. Известно, что после подавления восстания Тупак-Амару и казни последнего колониальные власти запретили представления народных драм на языке кечуа. Очевидно, этот запрет был вызван тем, что представления наиболее распространенной драмы «Апу Ольянтай» и ей подобных служили агитацией и поднимали дух повстанцев.

Текст драмы «Апу Ольянтай» записывался неоднократно в XVII и XVIII вв. Последний вариант был записан в середине XIX в. неким Педро Загарра, который также перевел на язык кечуа трагедию Расина «Федра».

Другой тип литературы представлен драмами религиозного содержания, которые писались миссионерами. Такова драма «Блудный сын» в 3 актах и 23 сценах, написанная в середине XVII в. Хуаном де Эспиноза Медрано — креолом, архидиаконом кафедрального собора в Куско.

Таким образом, из периода феодальной колонизации индейское население Андийского нагорья вышло в значительной мере иным, чем оно было в начале его. Большинство мелких племен перешло на язык кечуа, возникла объединяющая их идея восстановления свободы и независимости, изгнания испанских угнетателей. Складывается общекечуанская литература.

Война за независимость и образование самостоятельных государств Андийского нагорья — Эквадора, Перу, Боливии — не приостановила процесса объединения языка и культуры индейских племен. К середине XIX в. подавляющая масса индейских племен уже начала сливаться в единую народность. Это выразилось прежде всего в том, что язык кечуа стал общим для преобладающего большинства индейцев Андийского нагорья. Из четырех главных языковых групп, бывших распространенными в государстве инков, от языка мочика в настоящее время не осталось и следов, на языке пукина в 30-х годах XX в. говорило лишь несколько сот человек племен уру и чипайя на побережье оз. Титикака (Перу — Боливия). В Эквадоре с XVIII в. старые диалекты стали отмирать, уступая языку кечуа. В настоящее время большая половина индейцев Эквадора — более 1 млн., — принадлежавших в прошлом к десяткам мелких племен, говорит на языке кечуа и по культуре мало отличается от кечуа Перу и Боливии. В начале XX в. кечуа уже представляли собою преобладающую народность андийских стран.

2

Данные о современном положении народа кечуа, имеющиеся в нашем распоряжении, скудны и отрывочны. Точных данных о численности индейцев кечуа не может быть приведено, так как официальная

статистика латино-американских стран намеренно преуменьшает число индейцев, сохранивших свой язык и культуру. Классификация этнических групп, принятая официальной статистикой, также не отвечает действительному положению вещей, во всяком случае она крайне условна и большей частью произвольна. С одной стороны, причисляют к так называемым метисам и индейцев, знающих хотя бы несколько слов испански или имеющих в роду хотя бы «брызги белой крови», а с другой стороны, группы индейцев, говорящих на испанском языке, так называемых *latinos* или *cholo*, причисляют к «туземцам» по «расовому» или «культурному» признакам, а фактически — по общественному и имущественному положению.

По различным сведениям, численность индейцев кечуа колеблется от 3,5 до 11 млн. Из сопоставления разных данных можно сделать вывод, что истина лежит где-то посередине, склоняясь ближе к последней цифре. Сравнение этих цифр с данными относительно этнических групп в других частях американского континента позволяет сделать вывод, что современные кечуа — самый большой и значительный индейский народ.

Кечуа расселены в пяти государствах — Перу, Боливии, Эквадоре, Аргентине и Чили (см. карту на стр. 125). Как и в отношении других этнических групп, политическая граница между этими государствами проходит безотносительно к расселению кечуа, рассекая на части народ единого языка и единой культуры.

Данные по демографии кечуа отрывочны и неточны. Лучше изучена часть народа в пределах Перу; относительно Боливии приходится довольствоваться лишь общими сведениями; о Чили и Аргентине есть лишь глухие данные.

По переписи 1940 г., которой ни в коем случае нельзя доверять полностью, в Перу из населения в возрасте свыше 5 лет говорило на испанском языке 2 443 390 человек, т. е. 46,7%, на кечуа — 1 625 156 человек, т. е. 31,0%, на испанском и кечуа — 816 966 человек, т. е. 15,8%.

Следовательно, даже по этой таблице число кечуа, говорящих на родном языке, во всяком случае больше, чем число перуанцев — креолов (первых (46,8%, вторых — 46,7%). Если же учесть, что значительная часть кечуа, в особенности в северном Перу, а также в городах Побережья, перешла на испанский язык, то преобладание численности кечуа над креолами становится вполне очевидным.

В Перу кечуа составляют большинство населения в центральных и южных департаментах. В Куско на кечуа говорит 98%, а в Аякучо — 99% населения. В Боливии кечуа живут в основном в департаментах Оруро, Потоси, Кочабамба, а также частично в Чукисаке. В Эквадоре основная масса кечуа живет в горном районе и частично в прибрежном. В Чили и Аргентине они занимают некоторые северные высокогорные пустынные районы.

В целом кечуа составляют основное население нагорья, так называемой Сьерры, и прилежащих долин. В последние десятилетия, в связи с усиливающимся процессом экспроприации общинных земель индейцев, часто при открытом применении вооруженной силы, кечуа стали переселяться в районы Тихоокеанского побережья и джунглей восточных областей.

Основными занятиями кечуа являются земледелие и скотоводство, в меньшей степени — кустарные промыслы и труд в промышленности, главным образом в горнорудной.

В высокогорных районах основными культурами до настоящего времени остаются растения, освоенные здесь в глубокой древности: картофель, который именно отсюда распространился по всему миру, и родственные картофелю другие клубнеплоды — ока, ульяка, затем зерновые типа проса — киноа и каньяуа. В долинах с умеренным климатом

Современное расселение народа кечуа

выращивают кукурузу, ячмень и пшеницу; на побережье — тропические культуры, как какао, кофе, ананасы, цитрусовые, а также хлопок.

В прибрежной полосе господствуют монопольные компании, эксплуатирующие кечуа в плантационных хозяйствах. Что касается крестьянского хозяйства в горных районах и в прилегающих к ним долинах, то, несмотря на огромное количество затрачиваемого труда, крестьяне кечуа не получают хороших урожаев. Лучшие земли захвачены помещиками, которые владеют подавляющей частью годной к обработке земли. На долю крестьян кечуа остаются небольшие участки неплодородной и к тому же истощенной вследствие отсутствия удобрения земли. Отсталая техника и примитивный севооборот, лоскутность и чересполосица при малоземелье сокращают урожаи до самых низких пределов. Техника ведения сельского хозяйства у крестьян кечуа осталась во многом такой же примитивной, какой она была в XVI в. Правда, в долинах практикуется пахота на быках, но перуанский плуг — деревянный и самой первобытной формы. В высокогорных районах не используется тяговая сила. Здесь крестьянин кечуа употребляет для обработки земли орудия того же архаического типа, что и во времена инков. Основным орудием является так называемая чакитакля. Это узкая лопата с поперечным выступом. Работа производится нажимом на лопату, причем работник упирается ногой в выступ. Единственной данью современности является замена прежнего деревянного или бронзового лезвия железным. Если для своего времени чакитакля с ее выступом для упора ноги, облегчающим вскапывание, была значительным изобретением, то сохранение ее в качестве основного орудия до настоящего времени свидетельствует, что в условиях капитализма крестьянское хозяйство Эквадора, Перу и Боливии стоит у предела отсталости.

Употребляют еще несколько орудий: таклю — мотыгу с железным лезвием, насаженным на палку с развилкой; дубинку для разбивания комьев земли с каменным или железным наконечником; палку для молотбы и серп.

Кечуа работают на пашне обычно группами по три человека, из которых двое мужчин поднимают грунт чакитаклей, а третий человек — женщина или мальчик, — идет следом и разбивает выбрасываемые комья земли. Проведение борозд продольных рядов, вскапывают поперечные. Перекрещивание борозд играет значительную роль на горных склонах, где этот прием помогает задерживать дождевые потоки.

Для части обрабатываемой земли необходимо орошение. В долинах и по берегам рек влаги достаточно, но на склонах гор и на плоскогорье требуется искусственное орошение. Кечуа применяют ирригацию в простейшей, известной со времен инков форме, в сочетании с террасовым расположением полей уступами по склонам гор. Каждая община прорывает узкую канаву от реки. За время сухого сезона канавы высыхают, и работу приходится возобновлять. Помещики-креолы располагают большими возможностями, так как они в основном уже захватили территории, более близкие к реке. Затем они пользуются более совершенной техникой и большим количеством рабочей силы. В некоторых случаях владельцы асиенд — поместий даже поворачивают русла рек в нужном им направлении. Воды нехватает, борьба за воду идет непрерывно во всех странах Андийского нагорья. Чаще всего идет борьба между общиной и помещиком, и последний всегда оказывается победителем, так как ему помогают власти.

Скотоводство, также имеющее в андийских странах древнюю историю, играет большую роль в горных районах. Лама служит как выючное животное; используется шерсть и мясо этого животного, а также навоз — как удобрение и топливо. В высокогорных районах другого

топлива вообще нет. Животные, которые в древности разводились ради их превосходной шерсти — альпака и в особенности вигонь, — ныне вытеснены овцами. Овцы в крестьянских хозяйствах малы и худосочны, шерсть обычно низкосортна.

У кечуа до настоящего времени значительно развито ремесло: пряжение, ткачество шерсти и хлопка, окраска пряжи и тканей, керамика, резьба по дереву, изготовление серебряных и медных украшений, плетение циновок и веревок, сооружение лодок и мебели из камыша, изготовление фетровых шляп и плетение шляп типа «панамы» (эти шляпы производятся не в Панаме, а преимущественно в Эквадоре). Уровень техники этих производств приблизительно тот же, что и во времена инков. Вследствие отсутствия средств на покупку машин большей частью применяются самые примитивные приспособления и инструменты собственного изготовления. По разнообразию видов, богатству орнамента и тонкости отделки ткачество, керамика и златокузнечество современных кечуа стоят ниже, чем памятники эпохи инков. Но им также присущи художественные, хотя и простые формы, гармонические сочетания темных и ярких тонов, самобытный характер рисунка. Наиболее значительной отраслью народного производства кечуа является ткачество. В высокогорных районах ткут из шерсти, на побережье — из хлопка. И шерсть и хлопок прядут на веретене с деревянным или керамическим пряслищем. Прядут все: мужчины, женщины, дети. Женщины прядут все время, когда они не заняты другой работой; на ходу они засовывают за пояс деревянную рогатку с клоком шерсти на ее рогах и прядут эту шерсть посредством длинного пестро раскрашенного веретена.

Ткут главным образом мужчины. Существует несколько типов местных примитивных станков. Наиболее распространен горизонтальный станок с колышками и станок с приводным ремнем. На особых маленьких станочках ткется тесьма шириной 2 см, которая употребляется в качестве каймы для рубашек, юбок и пончо.

Пряжа окрашивается до тканья. Применение растительных и минеральных красок сохранилось лишь в немногих отдаленных горных районах. Теперь повсеместно распространены анилиновые красители. Для пончо изготавливают очень плотную ткань темных тонов; излюбленный орнамент ткани — полосы или треугольники, шашки. Пончо из шерсти вигони не окрашивают. Шали для женщин изготавливают обычно натуральных оттенков или с тканым орнаментом в полоску, в шашку.

Почти все крестьяне кечуа ткут и для собственных нужд и на продажу. Однако в большинстве общин имеются мастера, прославившиеся ткачеством и крашением, и они отдают производству большую часть своего времени. Есть особенно искусные пряжи, многие ткачи славятся прекрасным орнаментом изготавливаемых ими пончо.

Керамика — прекрасное искусство древних инков — пришло в упадок в колониальный период. В настоящее время керамика кечуа имеет сравнительно простые и вместе с тем художественные формы. Ассортимент поделок довольно обширен: блюда, тарелки, миски, чашки, большие и малые кувшины и другие сосуды. В Перу до 98% употребляемой посуды — это гончарная посуда выработки кечуа. Изготавливаются также статуэтки — изображения людей и животных. Большинство гончаров — мужчины. Употребляются различные виды местных глин. Посуду лепят без гончарного круга, начав с плоского или сферического дна, возводя стенки налепом, концентрическими лентами. При помощи скребков, лощила и мокрой ткани сглаживают поверхность стенок. После сушки на стенках выгравировываются контуры, по которым наносится красочный орнамент. В южном и центральном Перу излюбленные тона — красный и оранжевый с белым. Часть посуды вообще не раскра-

шивается. Обжиг производится в специальных печах, а в горах — на очагах, растапливаемых навозом.

Гончарное производство локализовано, в каждом департаменте есть свои центры керамики, в значительной степени в зависимости от местонахождения глин.

У кечуа в значительной мере сохранился национальный костюм, в особенности женский. Женщины надевают поверх рубашки несколько широких и длинных юбок, одна короче другой, так что яркая кайма нижней выглядывает из-под юбки, надетой сверху. Большую роль в женском костюме играет шаль. Кроме своего прямого назначения, она, будучи подвернута особым образом на спине у поясницы, превращается в заплечный мешок, в котором женщина носит ребенка, а также и тяжести. Основной верхней одеждой мужчины кечуа служит пончо, которое в сельских местностях носят также и землевладельцы-креолы. Пончо представляет собой плащ, сшитый из двух полотнищ тяжелой шерсти. Полотнища сшиваются с концов, посередине остается отверстие. В теплую погоду пончо складывают вдоль и носят на плече в виде пледа.

У кечуа имеются селения как кучевого типа, так и широко раскинутые, состоящие из хуторов. Во всех случаях центром селения служит базарная площадь, окруженная несколькими общественными строениями, церковью или часовней и лавками или тавернами.

3

Подавляющая масса кечуа — крестьяне и сельский пролетариат. Сравнительно небольшая часть кечуа занята в промышленности, однако и они часто сохраняют связь с деревней. Большая часть крестьян кечуа вышла из феодального периода закрепощенными. Война за независимость и установление буржуазно-республиканского правления почти не отразилась на положении индейцев. Большинство их осталось попрежнему приписанным к большим землевладениям или предприятиям, по соседству с которыми они были насильственно водворены на жительство. Однако примерно третья часть кечуа, главным образом горных и прилежащих к ним районов, сохранила свои земли и свое исконное общественное устройство — общину.

По неточным данным 1920-х гг., в Перу в общинах оставалось еще около 30% индейцев. Несмотря на все увеличивающийся напор со стороны помещиков и плантационных предприятий, к 1929 г. еще до 25% земли горных районов оставалось в руках общин.

Община в андийских странах — пережиток основной общественной единицы государства инков. Древний термин айлью (ayllu) теперь употребляется редко, он заменен наименованием испанского происхождения — «комунидад» (comunidad).

Исследователь Кастро Посо указал на существование в Перу в 1920-х гг. общин, члены каждой из которых носили одинаковые прозвища⁴. Однако уже со времен инков у кечуа оформилась соседская или сельская община. Община современных кечуа всегда состоит по крайней мере из нескольких разросшихся семей, каждая из которых ведет свое особое происхождение, несмотря на то, что они жили в близком соседстве в течение длительного времени.

Места расположения и наименования многих общин восходят к доколумбовым временам. Другие образовались уже во времена коло-

⁴ Данные о кечуа Hildebrando Castro Pozo, Nuestra comunidad indigena (Lima, 1924) изложены во статье А. М. Зориной «Индийская община в Перу» в журн. «Российский Восток». 1935, № 4.

ниального захвата, перейдя на новые земли. Наконец, существуют общины, возникшие уже в республиканский период, почти на памяти старейших их членов. Эти последние обычно состоят из остатков нескольких общин, слившихся вместе в стремлении спастись от захватнических действий помещиков. Во многих деревнях кечуа существует основное ядро общинников, считающих себя исконными жителями и владельцами окружающих земель (*originarios*, как они себя называют испанским термином), и семьи, которые рассматриваются как пришельцы, вступившие в общину позже (*agregades*).

Общинная территория подразделяется на несколько категорий. Основная масса земли находится в пользовании членов общин и подразделяется на: 1) семейные усадьбы, дома и огороды, которые представляют неотчуждаемую собственность общинников; 2) семейные наделы пахотной земли и пастбищ, которые принципиально подлежат переделу. Вторая часть земли общины предназначена для того, чтобы снятым с нее урожаем выплатить налоги. Третья часть называется «землей святого-патрона»; урожаем с нее идет на содержание церкви или часовни и причта.

Вся пахотная земля общины разделяется, исходя из пригодности к обработке, плодородия и положения, на соответственные секторы, так называемые «суэрте» (*suerte*). Одна суэрте включает земли в пампе (на равнине), другая — по горным склонам, третья — по берегу реки и т. п. Суэрте имеет несколько километров в длину и несколько сот метров в ширину и делится приблизительно на 100 участков. В центральном Перу средний надел общинника состоит из 6 участков: 4 в пампе и 2 по горному склону.

Точных и полных данных о размерах владений общинников не имеется. По некоторым данным, в 1940 г. в долине Куско землевладение общинника кечуа в среднем состояло из 1 топо (размером 40×80 м) земли под кукурузой, 1 топо под картофелем и $\frac{1}{3}$ топо под пшеницей.

Основной принцип общинного землевладения — передел земли в настоящее время фактически уже не проводится в жизнь. Все земли общин закреплены за отдельными владельцами — семьями. Отличие от частной собственности состоит лишь в том, что эти земли неотчуждаемы, по установившимся обычаям владельцы не имеют права их продавать. Пережитком существовавшего в прошлом ежегодного распределения наделов остается церемония, называемая по-испански «распределение» (*reparticion*). Она совершается ежегодно весной губернатором округа и обставлена торжественно, согласно установившейся традиции. По существу она представляет собой теперь лишь подтверждение губернатором округа границ закрепленных за крестьянами участков. Момент, когда называется имя владельца и проводится черта вдоль его участка, считается подходящим для оспаривания границ, если существует недогазумение. Ввиду крайнего малоземелья возникают споры даже из-за каждого метра.

Что касается участков, предназначенных для податных нужд, то ими распоряжаются старшины, которые или сдают их в аренду с аукциона, или нанимают батраков для их обработки и сбора урожая. Дэход с продажи урожая идет на уплату налогов. Церковные участки обрабатываются несколькими назначенными общиной крестьянами. Они должны собрать урожай и приготовить угощение причту и мирянам на празднестве в престольный праздник святого-патрона.

В общинах кечуа существуют две формы организации коллективного труда: 1) мингай (или мингас) — общественные работы на нужды общины, а также совместная отработка повинностей по требованию властей округа; 2) трудовая взаимопомощь общинников.

Мингас представляет собой одну из форм колониальной эксплуатации.

нии индейцев и состоит в осушении болот, поддержании дорог, возведении мостов, постройке школ и больниц. Участие в них обязательно для всех общинников; на практике теперь в большинстве случаев отходники и зажиточные крестьяне откупаются от мингас денежными взносами или нанимают вместо себя бедняков.

Взаимопомощь общинников практикуется главным образом при сборе урожая. Каждый член общины принадлежит к определенной рабочей группе — так называемой маса, состоящей из 3 человек. Когда на участке работают две маса, обычно трое участников работают на помочах, так как в каждом домохозяйстве имеется в среднем три работника. По окончании работ в данном хозяйстве его владелец отработывает время, затраченное участниками помочей, на землях последних. Взаимопомощь не ограничивается земледелием. В пастьбе скота проводится та же организация. Если владелец стада занят на своем участке, его дети помогают ему, а жена готовит обед работающим, то скот поручается кому-либо из соседних детей или старух. Помощь возмещается также пастьбой или некоторым количеством шерсти, в последнее время — деньгами. Женщины помогают друг другу в домашней работе на тех же основаниях. Даже дети, пасущие скот, практикуют взаимопомощь.

Организация взаимопомощи проста, когда у всех участников рабочей группы маса приблизительно одинаковые земельные наделы.

На практике, вследствие все растущего расслоения и вытекающего отсюда различия в количестве и качестве земли и скота, патриархальная организация взаимопомощи дополняется, а то и уступает место оплате труда продуктами или деньгами. Но организация рабочих групп маса попрежнему основывается на традиционных принципах родственных связей и соседства. Этим пользуются более зажиточные общинники, эксплуатируя своих сородичей и соседей⁵.

Сохранившиеся до настоящего времени общины неоднородны. В высокогорных районах имеются такие общины, в которых вся масса общинников живет в условиях крайней нищеты, эксплуатируемая крупными землевладельцами и скупщиками. Фактически такая община превращается в коллектив батраков, главным образом пастухов. Однако в большей части общин имеется зажиточная и влиятельная группа семей, отстаивающая свое положение ссылкой на то, что они исконные члены общины; они противопоставляют себя «пришельцам». В Боливии, например, в 1920-х гг. первые имели в среднем по 3 топо хорошей и по 6 топо плохой земли, а последние — по 2 топо хорошей и по 4 — плохой. В земледельческих и скотоводческих общинах южной части Сиерры (горной области) Перу в 1920-х гг. встречались отдельные крестьяне-общинники, которые владели стадами лам и альпака в 5—6 тысяч голов. Они использовали наемный труд в прикрытой форме помочей. В средней общине центрального Перу в 40-х гг. нашего века только 20% семейств могли продавать излишки, вывозя их на рынок. Половина членов общины с трудом поддерживает существование. Наконец, 30% не могут собрать урожая, достаточного хотя бы для того, чтобы удовлетворить собственные нужды, и принуждены покидать свои хозяйства в поисках дополнительного заработка. В настоящее время расслоение общины пошло еще дальше. Богатые крестьяне не работают на землях других общинников; труд работающих на них бедняков они возмещают, выставляя им угощение, еду и напитки, что обходится дешевле оплаты деньгами. Фактически часть бедняков-общинников переходит на положение батраков, работая под видом родственников и соседей.

⁵ Mishkin Bernard, The Contemporary Quechua, Handbook of South American Indians. Washington, 1946, стр. 411—470.

Родовитые и зажиточные общинники обычно живут в лучшей части территории, бедняки — в другой части, на худших землях. Представители привилегированных семей занимают общественные должности, из поколения в поколение из них выбирают старшин.

С расслоением общины образуется кечуанская сельская буржуазия. В нее входят кулаки, эксплуатирующие труд родственников и соседей, которых они обращают в своих батраков. Кулаки наживаются на сбыте зерна, овощей, мяса и шерсти в города. Из этой же зажиточной верхушки общинников выходят скупщики, наживающиеся на разнице цен на сельскохозяйственные продукты между горными районами и городами побережья.

Для управления общиной выбираются старшина и несколько помощников (4—6). В Перу они называются общим наименованием *вагауосс*, т. е. носители жезла «вара»⁶ — регалии индейских должностных лиц. Старшина носит испанское звание алькальда, его помощники называются альгвасилами и рехидорами. Институт варайоков приобрел современный вид в XIX в. В период феодально-крепостнической эксплуатации часть индейцев находилась под управлением королевских чиновников-коррехидоров; другой части, крестьянам, приписанным к определенным округам, — энкомиендам, разрешалось выбирать своих старшин — касикоз, но последние подчинялись «попечителям» — энкомендорес. В республиканский период правительство перуанской, боливийской и эквадорской буржуазии поставило себе на службу традиционный институт старшин, наградив их испанскими чинами. Должности алькальда и его помощников — выборные, сроком на год, но большей частью старшины остаются на своих постах помногу лет, часто до смерти. После смерти старшины собираются взрослые члены общины и выбирают его преемника. В собрании активно участвуют и женщины. В большинстве случаев выбор заранее определен. Претендент намечается наиболее влиятельными общинниками из числа немногих, наиболее значительных членов, большей частью из старых родовитых семейств. Выборы алькальда утверждаются губернатором округа, после чего новый старшина называет имена помощников, выбранных на собрании. Символическим атрибутом власти старшин являются их жезлы — вара. Вара представляет собой трость с утолщенной рукоятью и суживающимся острым концом. Верхняя часть украшается серебряной насечкой, изображениями святых на серебре. К рукояти на цепочках подвешиваются медальоны и ладанки с реликвиями. Последние, несомненно, представляют видоизменение древних культовых предметов.

Старшины распоряжаются хозяйственной жизнью общины, распределяют рабочую силу на общественные работы, организуют аренду и наем рабочей силы, продажу урожая и взнос налогов. Они имеют право разрешать внутриобщинные споры и семейные тяжбы. Фактически в своей деятельности они выполняют предписания губернатора округа. Власти на местах стремятся к тому, чтобы старшины были верными исполнителями их приказаний и служили интересам помещичье-буржуазного правительства.

Община кечуа — архаический пережиток, сохранившийся со времен варварского государства инков. Еще до вторжения испанцев айлью перешла уже на стадию сельской или соседской общины. При капитализме община кечуа представляет собой форму патриархального уклада, сохранившуюся в андийских странах до настоящего времени вследствие отсталости экономики и общественного строя этих стран. В течение века община кечуа боролась с наступлением крупных помещиков, захватывавших их земли. Несмотря на все усиливающееся расслоение

⁶ Вага — по-испански трость, палка, жезл.

внутри общины, членов ее до последнего времени связывает чувство солидарности в борьбе против врагов — помещиков, использовавших в своих интересах чиновников буржуазно-помещичьего правительства. В защите земли и независимости общины кечуа проявили отчаянное упорство и беззаветную отвагу. История Перу за последний век полна примеров борьбы крестьян кечуа за свои общинные и национальные права. В последние десятилетия борьба стала еще более жестокой и безнадежной, так как обороняться против плантационных хозяйств американских монополий общины не могут. Общее политико-экономическое положение крестьянства андийских стран неумолимо ведет к распаду общины. Вместе с этим расторгаются и традиционные связи общинной солидарности, заменяясь общностью классовых интересов.

Эксплуатация крестьян на помещичьих землях в андийских странах носит полуфеодальный или даже феодальный характер. Большая часть крестьянства кечуа с распадом общин переходит в крупные поместья — асиенды, где они нанимаются батраками или издольщиками.

Кечуа, идущие на работу в асиенды, попадают в сложную систему зависимости. Те, которые имеют деньги, чтобы арендовать участок земли, еще сохраняют видимость независимости. Это так называемые «янаконы». Но точно фиксированная арендная плата очень редко устанавливается в андийских странах, разве только для «белых» или «метисов». Для индейцев арендный договор большей частью заключается таким образом, что условия контракта устанавливаются устно и возобновляются каждый год. Эксплуатация арендаторов осуществляется в форме взимания отработочной ренты, фактически представляющей собой барщину. В районах с более развитыми денежными отношениями арендная плата исчисляется из расчета поденной заработной платы батрака.

Большой частью арендатор полностью подчинен произволу помещика. Он обязан работать в асиенде столько дней, сколько сочтет нужным помещик, т. е. все самое важное для сельскохозяйственных работ время. Во многих округах устанавливается еще дополнительная повинность: кроме работ в асиенде, арендаторы обязаны доставлять собранный урожай в городской дом землевладельца, иногда километров за 100 от имения. В других случаях арендаторы обязуются доставлять продукты помещика на рынок, что часто приходится делать на собственных спинах, так как у многих арендаторов нет лам. Далее янаконаж включает обслуживание помещика в качестве домашней прислуги как в асиенде, так и в городском доме.

В некоторых случаях повинности арендатора ограничиваются определенным количеством дней. Но и здесь царит произвол землевладельца, поскольку он, конечно, выбирает наиболее важные для сельского хозяйства дни. Крестьянину остаются для работы на своем участке последние дни в сезоне, когда уже поздно производить посадку или посев, или погода может испортиться каждую минуту и повредить урожай.

Когда арендная плата исчисляется из расчета поденной оплаты труда, последняя определяется так низко, что крестьянин фактически принужден работать на помещика весь сельскохозяйственный сезон. Например, при установлении арендной платы в 20 солей и заработной поденной платы в 20 сантавов арендатор может отработать свой долг лишь за 100 дней.

Существует еще вид аренды, называемый «компания». Арендатор обязан удобрить землю помещика и обработать своими орудиями, обеспечить ирригацию участка, засеять, собрать урожай и свыше 50% последнего отдать помещику. Это фактически издольщина.

Беднейшие крестьяне не в состоянии арендовать клочок земли даже на таких тяжелых условиях. Они поступают в батраки. При си-

стеме вербовочной контрактации и выдачи большей части заработной платы бонами в помещицью лавку батрак входит в неоплатные долги и превращается в долгового раба — пеона. Он не только работает безвозмездно сам, но еще оказывается принужденным в счет возрастающего долга отдать свою жену или дочь в «работницы» (*уамгас*) в асиенду. Часто женщины служат до старости, так и не выплатив долга мужа или отца, который давно умер. Система *уамрас* применяется не только в глухих горных районах, но и на побережье. Власти узаконили это фактическое рабство. В случае, если женщина пытается уйти из поместья, полиция водворяет ее обратно, как беглую рабыню. Пеоны и *янаконы* фактически настолько закабалены, что становятся почти собственностью помещика. Они не могут уже переходить из поместья в поместье, они опутаны долгами и прикреплены к земле. Когда в современных газетах андийских стран помещаются объявления о продаже поместий, то, кроме размеров владений, указывается численность *янаконов* и *пеочов*; последняя определяет ценность имени даже в большей степени, чем остальные условия.

В городах и промышленных центрах в рядах квалифицированного индустриального пролетариата до настоящего времени насчитывается небольшое число индейцев. Это объясняется расовой дискриминацией, хотя официально не узаконенной, но устойчиво применяемой на практике.

Еще со времени испанского завоевания кечуа эксплуатировались в промышленности. В первый период колониальной экспансии рудники и текстильные мастерские были организованы на принципе принудительного труда. На добыче серебра, золота, олова и других ценных руд, а также в городских промышленных заведениях в нечеловечески тяжелых условиях работали исключительно индейцы, в подавляющем большинстве кечуа. Отмена трудовой повинности «миты» в республиканский период не внесла существенных изменений. Захват общинных земель и усиление эксплуатации крестьян индейцев в разнообразных формах гнали крестьян кечуа в город и на прииски, в рудники и шахты с немалой неотвратимостью, чем закон о принудительном труде. В последние десятилетия вторжение североамериканских монополий и организация крупных плантационных и скотоводческих хозяйств, разоряя крестьян и мелких фермеров, все больше заставляют их искать заработка за пределами родных земель и соседних асиенд. Миграция кечуа из высокогорных и прилежащих к ним сельскохозяйственных районов идет с возрастающей скоростью. Часть здоровой мужской молодежи устремляется на рудники в Потоси, Оруро и Ла Пас (Боливия). По приблизительным данным, в начале 1930-х гг. численность индейского горно-промышленного пролетариата в Боливии достигала 20 тыс. человек. К концу 30-х гг. она уже возросла до 30 тыс. человек. Что же касается Перу, то там в начале 30-х гг. общая численность горно-промышленного пролетариата равнялась 40% всего рабочего класса страны, причем преобладающая его часть — около 80% — составляли индейцы.

Как на рудниках и шахтах, так и в городских индустриальных предприятиях заработная плата индейцев ниже, чем креолов. Индейцев принимают почти исключительно на тяжелую физическую работу, не дают возможности квалифицироваться. Основная масса индейского городского населения остается чернорабочими, грузчиками или рабочими мелких кустарных мастерских. Небольшие заработки едва дают им возможность с трудом поддерживать существование. Лишь очень немногие, как исключение, возвращаются на родину для того, чтобы обзавестись хозяйством на скопленные сбережения. Часть молодежи, соблазненная посулами вербовщиков, заключает контракты на работу в восточных джунглях, главным образом на сбор каучука или на сбор коки на плантациях на побережье. Непривычные климатические условия, маля-

рия, а главное жестокая эксплуатация монополистических компаний,— все это ведет к массовым заболеваниям, потере трудоспособности и почти повальной смертности законтрактованных. Оставшиеся в живых превращаются в пожизненных должников и теряют надежду вернуться домой.

Кроме этой миграции постоянного характера, часть крестьян кечуа принуждена уходить на временные заработки. Значительный процент перуанского пролетариата состоит из общинников-отходников, продолжающих сохранять связь с сельским хозяйством. На время сбора урожая они возвращаются домой. В тезисах к учредительной конференции Латино-американского объединения профсоюзов в 1929 г. констатировалось: «Развитие горной промышленности привело в последнее время к росту применения туземной рабочей силы и в горном деле, но часть этих рабочих, индейцы-общинники, продолжают оставаться в земледелии; большую часть года они проводят на рудниках, а на сезон земледельческих работ возвращаются к себе и работают на своих маленьких участках, которые недостаточны для того, чтобы их прокормить».

В некоторых районах отходничество приобретает массовый характер. В северном Перу в октябре и ноябре, в центральном Перу — в августе, а в южном — в ноябре многие крестьяне кечуа оставляют свои хозяйства для работы в городах побережья. Целые общины снимаются с места в поисках заработка, оставляя заботу о поддержании хозяйства старикам и детям. Небольшие деньги, заработанные на временных работах, лишь в очень незначительной степени помогают крестьянам кечуа свести концы с концами в сельском хозяйстве, которое в условиях капитализма андийских стран все меньше оправдывает себя.

На плантациях побережья и особенно в городах кечуа соприкасаются со смешанным населением, с креолами, неграми и азиатскими иммигрантами. Они перестают носить национальный костюм, переходят на испанский язык, отвыкают от старинных обычаев и стола. Но расовая дискриминация наряду с эксплуатацией держит их в положении, несколько отличном от положения «белого» пролетариата.

Язык кечуа хотя и подразделяется на диалекты, но является единым, общим для всего народа. Диалектологические различия так невелики, что не мешают взаимному пониманию их представителей. Язык кечуа имеет много терминов для отвлеченных понятий, он богат синонимами и позволяет выразить как философские идеи, так и тонкие лирические оттенки. Кечуа — язык агглютинативный; в настоящее время в нем имеется много испанских слов. В испанском языке андийских стран в свою очередь много слов заимствовано из кечуа.

Язык кечуа прошел долгий путь развития и претерпел изменения, отражающие развитие народности. Язык народной драмы «Апу Ольянтай», записанной в XVII в., уже мало понятен современным кечуа.

В государстве инков у кечуа существовала система узелковых знаков «кипу» и зачатки пиктографии. Современные кечуа пользуются латинизированным алфавитом, выработанным в колониальный период. Основная масса кечуа в условиях капиталистической действительности лишена возможности учиться грамоте, хотя бы на испанском языке. По данным 1940 г., из населения горной области Сьерры школьного возраста неграмотных насчитывалось 76,39%. В среднем по Перу число грамотных кечуа едва достигает 25%, в других странах оно гораздо меньше.

Литература кечуа развивалась своеобразно вследствие особых условий истории народа. Широкое распространение имеет устное народное творчество. Особого внимания заслуживают народные предания о доиспанских временах, о войне с конкистадорами, о героях народных восстаний. Певцы и сказители заучивают на память предания и песни, в которых воспеваются подвиги их предков в борьбе с конкистадорами.

Английский путешественник Стивенсон в 1806 г. был зрителем исполнявшейся индейцами-кечуа на их родном языке народной драмы, в которой изображалось вторжение испанских захватчиков, их насилия, пленение и умерщвление последнего «великого инки» Атауальпы⁷. Часть фольклора была записана латинизированным алфавитом образованными индейцами и миссионерами. Таким образом, была записана впервые в XVII в. упоминавшаяся выше народная драма «Апу Ольянтай». Это произведение народного творчества восходит ко временам инков. В нем воспеваются героические подвиги вождя кечуа, восставшего против верховного правителя инков. В драме «Апу Ольянтай», очевидно, нашли художественное отражение события и представления эпохи военной демократии, периода формирования государства инков — борьба отдельных племен против подчинения их централизованной власти инкской деспотии. Однако в период колониального гнета кечуа переосмыслили старое содержание древнего сказания. Ужасы испанской колонизации вытеснили из сознания народа представления об инках как о притеснителях. Герой драмы «Апу Ольянтай», как и герои других аналогичных произведений, воспринимаются как борцы за свободу и независимость народа, они вдохновляли слушателей и зрителей на подвиги в борьбе с испанскими захватчиками. Именно поэтому народные драмы были запрещены во время восстания 1780-х гг. Но, вопреки запрету, эти произведения народного творчества продолжали играть большую роль в духовной жизни кечуа, в формировании единого народного самосознания и общей культуры.

У современных кечуа широко распространен фольклор в виде песен, присказок и прибауток, загадок и пословиц, а также сказок нравоучительно-юмористического и фантастического содержания. В последних выступают горные духи с служащими им пумами и кондорами, а также духи болезней и злокозненные колдуны-оборотни.

В последние десятилетия особенно развилась одна отрасль литературы на языке кечуа — именно драматургия. Имеется ряд драм и комедий, которые пользуются большим успехом среди широких масс, особенно вследствие неграмотности основного населения кечуа. Среди этой литературы особый интерес представляют драмы исторического содержания, повествующие о борьбе с конкистадорами. Таковы драма «Манко II» (о восстании против Писарро) и ряд других. Драммы и комедии представляются как любителями, так и профессиональными актерами. Одна из профессиональных театральных трупп образовалась в г. Пуно (в Перу) в конце 1920-х гг. Этот театр с успехом ставил пьесы молодых кечуанских авторов и организовал гастроли за пределами Перу⁸.

Наряду с литературой большую роль в жизни кечуа играет музыка, а также пляски.

Народные празднества в деревнях и городах, на которые сходятся кечуа из окрестных районов, в современных условиях остаются наиболее яркими проявлениями самобытной культуры кечуа, которая не находит сейчас других возможностей претворения в жизнь. Красочно, гармонически сочетающиеся тона одежды крестьян и нарядов танцоров, полные жизни и огня пляски отдельных исполнителей и танцы молодежи, звучащая природной прелестью музыка, веселые, часто юмористические песни и прибаутки, дышащие отвагой игры и соревнования юношей, — все это дышит самобытностью и с большой силой заявляет о своих правах на жизнь и дальнейшее развитие.

Сквозь века феодального закрепощения и колониально-капиталисти-

⁷ В. Мирошевский, Освободительное движение в американских колониях Испании, М.—Л., 1946.

⁸ «Un drama indígena», журн. «Amauta», Lima, 1927, № 12; «Tucuique mupascan», comedia quechua, там же, 1928, № 14.

ческого гнета кечуа пронесли свою самобытную яркую культуру, свидетельствующую о силе и полнокровности породившего ее народа, о возможностях дальнейшего его развития.

4

Национальный вопрос, проблема формирования наций и взаимоотношений отдельных народностей стоит очень остро в андийских странах. Господствующие круги креольской буржуазии каждой из этих стран провозглашают необходимость укрепления якобы единой нации с основным ядром «белых» путем сплочения вокруг этого ядра «цветного» населения. Что касается индейцев, в особенности кечуа, то еще в начале этого века они рассматривались буржуазными учеными и политиками как остатки древнего населения, не играющие никакой роли в современности. Но развитие национально-освободительного движения заставило господствующие круги рассматривать их не только как остаток прошлого, но и как современную реальность. Буржуазно-помещичья креольская верхушка разными путями стремится обезопасить себя от расгушного сопротивления индейских народных масс. Созданы государственные органы «попечительства» над индейцами, департаменты и министерства. Официально провозглашается необходимость включения индейцев в нацию (перуанцев, боливийцев, эквадорцев, колумбийцев). В газетах помещают фотографии приема президентом той или иной страны делегации индейских старшин в живописных костюмах, во время конфликтов с соседними странами в нотах ссылаются на то, что соседняя страна угнетает «бедных индейцев». В Боливии государственный гимн переведен на языки кечуа и аймара с целью воспитания в них «патриотизма».

Конечно, эта политика циничной демагогии не имеет ничего общего с защитой интересов индейских народных масс. Фактически она имеет целью использовать индейцев как пушечное мясо. Еще во времена войн Перу с Чили в XIX в. перуанские офицеры говорили индейцам, что чилийские войска состоят из одних белых, чтобы разжечь в солдатах равную ненависть. Разумеется, при первых проявлениях такой ненависти к белым угнетателям своей страны на индейцев обрушиваются самые жестокие кары.

В 1920—1930 гг. среди перуанской и боливийской либеральной буржуазной интеллигенции возникло движение в защиту интересов индейцев. Помощь индейцам представлялась в форме распространения среди них «благ культуры». Среди молодежи были энтузиасты-учителя, посвящавшие свое отпускное время обучению детей кечуа и аймара на родном языке, доктора, организовывавшие медицинскую помощь в отдаленных горных районах, агрономы, стремившиеся ввести новые способы ведения сельского хозяйства. Доктора говорили, что главное — это гигиена, учителя, — что спасение в грамоте, агрономы предлагали новые калорийные культуры, а крестьяне кечуа, слушая их, думали о том, как просуществовать ближайшее время, как распределить скудный урожай, снятый с клочка земли, чтобы прокормить семью и выплатить срочные взносы помещику и налоги в казну⁹. Разумеется, эта просветительная деятельность интеллигентов-одиночек не может помочь индейцам.

Специфика национального вопроса в андийских странах состоит в тесном переплетении классовых и расово-национальных моментов, в глубоких исторических корнях классово-национального угнетения. С начала вторжения испанских захватчиков и до настоящего времени индейцы представляли основную массу производительного эксплуатируе-

⁹ *El Indio del Alto*, Andean Adventure, A social and Political Study of Colombia, Ecuador, Bolivia, Peru, London, 1939—1941.

мого населения андийских стран. Крестьянство, сельскохозяйственный и горнопромышленный пролетариат Перу, Боливии и Эквадора в преобладающем большинстве состоят из индейцев-кечуа. Господствующие классы — помещики и торговая буржуазия — состоят главным образом из креолов, последняя частично из метисов.

Не говоря уже о полуфеодальной закрепощенности масс индейского крестьянства, в городском быту с давних пор и до наших дней также наблюдаются скрытые формы рабовладения, и остается в силе униженное положение кечуа. Хотя официально не существует дискриминационных законов, индейцев не принимают ни на какие квалифицированные работы, не дают им возможности повышать свою квалификацию, им остаются самые тяжелые формы физического труда, самое униженное положение. Например, вся прислуга в андийских странах — индейцы, с основным кечуа, главным образом женщины кечуанки. Дети служанок с 4—5 лет также начинают прислуживать и фактически превращаются в домашних рабов. Если служанка по каким-нибудь причинам уходит от хозяев, то ребенок, родившийся в доме, обычно остается служить хозяевам. Он считается принадлежностью дома, да и мать не в состоянии прокормить детей сама и поневоле расстается с ними¹⁰. Не только в доме, но и на улице индеец должен всегда помнить о своем подчиненном положении. При встречах на улице индеец обязан сойти с дороги, уступить дорогу креолу. Положение индейцев — рабочих и батраков — таково, что им приходится выносить даже физические наказания и зверское обращение своих «белых» хозяев и надсмотрщиков.

Несмотря на наличие общего языка, этнической территории и единой своеобразной культуры, консолидации кечуа в нацию препятствует ряд исторически сложившихся условий. Андийские страны, в которых расселены кечуа, представляют собой капиталистические государства с сильными пережитками феодализма, которые «политически, формально самостоятельны, на деле же опутаны сетями финансовой и дипломатической зависимости»¹¹. С начала своего самостоятельного существования они были ареной борьбы между иностранными капиталистическими державами. За проникновение в эти страны боролись главным образом Англия, Германия и США. После второй мировой войны ключевые позиции в экономике андийских стран захватил североамериканский империализм. Иностранное засилие в экономике и в политике препятствует созданию обрабатывающей промышленности, удерживает андийские страны на положении сырьевых придатков великих империалистических держав. Местная буржуазия остается немногочисленной и сравнительно слабой, она применяет свои капиталы главным образом в экспортной торговле и то в качестве посредников. Это — буржуазия компрадурского характера. Очень немногочисленна группа из крупных землевладельцев, которые сохранили в своем владении месторождения ценных ископаемых.

Развитие сельского хозяйства андийских стран направлено на выращивание экспортных культур. Плантационные хозяйства побережья, выращивающие на вывоз хлопок, сахарный тростник, цитрусовые, кофе (Перу), какао и другие субтропические культуры (Эквадор), находятся в руках иностранных монополистических компаний, устанавливающих экспортные цены, а также цены на рис, потребляемый внутри Перу. На долю помещичьих креольских и крестьянских индийских хозяйств нагорья остаются зерновые продукты и овощи, сбыт которых очень ограничен. Мелкие крестьянские хозяйства кечуа с трудом сводят концы с концами, продавая часть своего урожая картофеля и зерна, чтобы

¹⁰ Там же.

¹¹ Ленин, Империализм как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 250.

удовлетворить минимальные потребности и выплатить налоги. Иностранные компании организуют большие овцеводческие хозяйства в горных районах, завозят породистых производителей, устанавливают свои цены на экспортную шерсть. Крестьянские кечуанские хозяйства не могут конкурировать в сбыте шерсти ни с иностранными компаниями, ни с помещичьими асиендами. Вследствие этих причин торговля сельскохозяйственными продуктами в андийских странах мало развита и ограничена районными границами. Фактически ни в одной из этих стран не существует общегосударственного внутреннего рынка растительных и животных продуктов.

Слабое развитие товарооборота в значительной степени определяется и тем, что вся железнодорожная сеть андийских стран ориентирована на подвоз к портам экспортной продукции горной промышленности нагорья и плантаций побережья. Сообщение между отдельными районами внутри каждой из андийских стран и между странами до сих пор в значительной мере осуществляется пешеходным образом; тяжести перевозятся на ламах.

Отсталость экономики андийских стран отражается на развитии классовых отношений. Слабое развитие местной индустрии обуславливает медленный рост промышленного пролетариата. Так как расслоение общин и обезземеление крестьян кечуа заставляют большие группы последних искать работы в городах и на рудниках, то капиталисты, в особенности иностранные монополистические компании, устанавливают предельно низкую заработную плату. Вследствие этого большинство рабочих рудников принуждены поддерживать связь с деревней, чтобы с помощью собранного урожая прокормиться и содержать семьи. Поэтому рабочие стремятся найти работу вблизи своих родных селений или возможно ближе к ним. Медленно идет и процесс образования кечуанской буржуазии. В деревне кулаки, скупщики, торговцы имеют сравнительно небольшие возможности накопления за счет эксплуатации беднейшего крестьянства и батраков. В городах владельцы лавок и таверн и хозяева кустарных мастерских также не выходят за пределы мелкой торговой буржуазии.

Все эти обстоятельства задерживают дальнейшее развитие общности кечуа. Разделение народа кечуа политическими границами также препятствует созданию общности. Установление границ Перу, Боливии и Эквадора при образовании этих государств совершенно не учитывало расселения этнических групп. Современные государственные границы андийских стран рассекают на части народ кечуа. Предельно низкий материальный уровень жизни препятствует повышению грамотности, а следовательно, и развитию литературы, в особенности прессы, печати. Это задерживает дальнейшее развитие общности языка и культуры. Все эти причины мешают кечуа в условиях современной капиталистической действительности сложиться в нацию, хотя для этого имеются все исторические предпосылки.

5

Национальное движение кечуа, основным центром которого является Перу, начинается с конца XIX в. Это движение унаследовало от предыдущих столетий лозунг восстановления инкской «империи», но содержание этого лозунга сильно изменилось. Крестьянские массы, являвшиеся основной движущей силой народных движений в этот период, подразумевали под восстановлением инкской «империи» прежде всего возвращение отнятых у них креольскими помещиками общинных земель. Жестокий социальный и национальный гнет прежде всего давил на трудовые массы индейцев, рабочих, крестьян и мелких ремесленников. Они составляли и составляют движущие силы национально-освободительного кечуанского движения; их активное участие в национальной

борьбе придает ей силу, размах и решительность действий, проявившиеся в ходе неоднократных восстаний.

В 1885 г. в округе Уарас департамента Анкачс (Перу) вспыхнуло восстание под предводительством Педро Пабло Атуспария. Кроме крестьян-горцев, пришедших в долину для выполнения принудительных работ и принесших в связках соломы ножи, в восстании участвовали и рудокопы. Кечуа засели в старинной крепости инков Пумакайан, заняли горные проходы, захватили ружья, порох и динамит и успешно их использовали. Против индейцев были направлены правительственные войска. Повстанцы были разбиты и почти все истреблены. Все участники восстания проявили беззаветную храбрость и презрение к насильникам. Память об этом восстании до сих пор живет в народе. О вожде восстания Атуспарии и о его боевых подвигах сложены легенды и сказы.

Следующее крупное восстание индейцев-кечуа имело место в 1914 г. как и в предыдущий раз, в Перу. Вождем восстания был майор перуанской армии Теодомиро Гутберрес, по всей видимости выходец из кечуанской буржуазной семьи. Помимо испанского он имел также кечуанское имя — Румимаки и считал себя «спасителем» своего народа. К этому времени индейцы испытывали столь невыносимый гнет, а их недовольство, готовое каждую минуту вылиться в народное восстание, было столь очевидным, что правительство президента Билингхерста вынуждено было послать Румимаки в качестве своего официального представителя в департамент Пуно для расследования положения. Прибыв на место, Румимаки вошел в тесный контакт с местными индейцами и вскоре после падения правительства Билингхерста, встав во главе поднявшегося восстания, двинулся по направлению к столице.

Многие тысячи индейцев, присоединившиеся к нему в пути, были плохо вооружены и экипированы, и восстание было потоплено в крови правительственными войсками.

Дальнейшее развитие национального движения происходит в условиях общего кризиса капитализма. Серьезное влияние на него было оказано Великой Октябрьской социалистической революцией и расколом мира на две системы. Победа Октябрьской революции расшатала в андийских, как и во всех колониальных и независимых странах, устой империализма.

В первые ряды демократического и национально-освободительного движения постепенно выходит рабочий класс. Для него, как и для рабочего класса всех стран мира, Октябрьская революция есть «вместе с тем революция в умах, революция в идеологии рабочего класса»¹². В 1919 г. в Перу возникло мощное стачечное движение рабочих. В качестве основного было выставлено требование установления восьмичасового рабочего дня. Создаются и крепнут профсоюзы. В 1921 г. в Эквадоре была основана социалистическая партия, которая после преодоления ею ряда ошибок в 1928 г. была принята в Коминтерн. Непрерывавшаяся в течение многих десятилетий борьба индейского крестьянства за самоуправление и землю, против захвата общинных земель помещиками приняла такие широкие масштабы, что перуанское правительство вынуждено было в 1919 г. издать закон о закреплении за индейскими общинами права на их земли. Однако закон фактически остался на бумаге, и борьба индейского крестьянства против произвола помещиков и местных властей продолжалась.

Чтобы привлечь на свою сторону кечуанскую буржуазию и интеллигенцию, отколоть их от народного движения и опереться на них, перуанское правительство организовало созыв «Индейского конгресса».

¹² И. Сталин, Международный характер Октябрьской революции, «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 180.

Решением конгресса был создан «Комитет в защиту прав индейцев Тауантинсуйо» (на языке кечуа Тауантинсуйо буквально «четыре связанных друг с другом области» — название государства инков). Комитет был лишен каких-либо политических прав. Революционные элементы были представлены в комитете очень слабо; руководство оказалось в руках реформистски настроенной кечуанской буржуазии и интеллигенции. Все это лишало комитет всякой силы, всякого значения и не могло разрядить атмосферы возмущения политикой правительства. В 1922 г. крестьянство вновь поднялось на восстание. Один из индейцев был коронован и принял титул «великого инки», это было уже последнее восстание под этим лозунгом¹³. Особенно большой силы движение достигло в 1923 г.

Комитет в защиту прав Тауантинсуйо не поддержал движения. Он выступил с программой мелких реформ, наиболее значительными требованиями которой была отмена закона о дорожной повинности крестьян индейцев и отделение церкви от государства. Отрываясь от крестьянского движения, комитет подрывал основы собственного существования. Подавление восстания дало правительству возможность перейти к политике открытых преследований и репрессий. В 1924 г. были арестованы все революционно настроенные члены комитета в защиту прав индейцев Тауантинсуйо. В 1927 г. комитет был разогнан окончательно. Последним отзвуком вышеописанных событий было образование в 1927 г. в городе Куско Группы возрождения, носившей характер культурно-просветительной организации. В деятельности группы, помимо интеллигенции, принимали участие также индейцы рабочие. Группа возрождения вскоре была разогнана, а ее руководитель — арестован.

1921—1927 годы завершили первый период национального движения. В последующий период на арену политической борьбы во главе со своим авангардом выступает пролетариат.

Еще в 1923 г. была создана Региональная Индейская рабочая федерация, в основе деятельности которой лежали принципы и методы мелкобуржуазной организации анархо-синдикалистского типа. Руководство федерацией оказалось в руках мелкобуржуазных элементов. Наиболее революционно настроенное меньшинство, настаивавшее на защите интересов трудовых масс, — двое индейцев-кечуа были отправлены в ссылку. В том же 1923 г. в Перу организованы были крупные рабочие и студенческие выступления антиправительственного характера, способствовавшие росту организованности рабочего класса.

В 1927 г. в Перу было положено начало созданию Конфедерации труда. В 1929 г. в Монтевидео был создан профсоюзный центр — Латинско-американская конфедерация профсоюзов.

К началу 30-х гг. мировой экономический кризис ударил также и по андийским странам, где кризис перепроизводства сочетался, как и во всех колониальных странах, «с разрушением крестьянского хозяйства, доведенного эксплуатацией феодалов и непосильными налогами до полного истощения»¹⁴. Факторы эти имели революционизирующее значение.

В 1931 г. в Перу вспыхнуло грандиозное восстание кечуа и аймара. Созданная к тому времени коммунистическая партия Перу установила связь с восставшими и выдвинула лозунг создания федерации самостоятельных государств кечуа и аймара, нашедший горячий отклик среди трудящегося индейского населения.

Первый опыт борьбы в союзе с пролетариатом показал индейцам единственно правильный путь социального и национального освобождения. Позиция перуанской компартии в период восстания завоевала ей небывалый авторитет и популярность в среде индейцев трудящихся.

¹³ Yrigoyen Pedro, El conflicto y el problema indigenas, Lima, 1922.

¹⁴ И. Сталин, Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б), Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 347.

Эта позиция нанесла первый удар по национальной розни среди трудящихся Перу, положив начало их сплочению вокруг компартии. На президентских выборах в Перу в 1932 г. индеец — коммунист Киспе-и-Киспе — получил 20% общего числа голосов, несмотря на аннулирование правительством его кандидатуры, несмотря на жестокий террор, несмотря на устранение от голосования многочисленных масс индейцев, не умеющих читать и писать по-испански.

Новый этап национально-освободительного движения кечуа начинается после второй мировой войны, когда основным его содержанием становится борьба, в союзе со всеми прогрессивными силами, за независимость стран Южной Америки против северо-американского империализма и его агентуры в Южной Америке. США выступают в странах андийского нагорья, как и в других странах, в качестве жандарма, душиателя всякого демократического движения. Последние восстания кечуа, имевшие место в Боливии в 1947—1948 гг., были подавлены лишь с помощью военной авиации, полученной боливийским правительством из США.

Начавшийся экономический кризис несет новые беды всем латиноамериканским странам, в том числе и андийским. Монополии США торопятся свернуть свою деятельность прежде всего за счет контролируемых ими предприятий в этих странах. Сокращается производство в добывающей промышленности, идет массовое увольнение рабочих, в Боливии и Колумбии тысячи горняков выброшены за ворота предприятий. Сокращение вывоза из андийских стран обрекает на голод крестьянство и мелкую буржуазию. В Боливии после того, как правительство, под давлением горнопромышленников, провело девальвацию денежной единицы, жизненный уровень трудящихся резко понизился.

Трудовые массы латиноамериканских стран дают все более резкий отпор нападению на их кровные интересы. За 1949 г. резко поднялось забастовочное движение в Мексике, Бразилии, Боливии. В начале 1950 г. в Боливии имели место значительные забастовки горняков. Растущая борьба за права трудящихся возглавляется коммунистическими партиями и Конфедерацией трудящихся Латинской Америки, насчитывающей в своих рядах до 6,5 млн. членов. Антинародные правительства андийских стран пытаются всеми мерами ослабить все возрастающую силу сопротивления народных масс. В Боливии правительство пустило в ход изобретенную им версию о «заговоре», намереваясь, под угрозой «коммунистической опасности», методами жестокого террора подавить народное движение против правительства, подчиненного интересам горнопромышленников и иностранного империализма. Однако никакой террор не в силах остановить роста борьбы трудящихся Латинской Америки за свои права. Эта борьба тесно связана с движением за мир, против североамериканских поджигателей войны.

Большую роль в общем движении трудящихся масс за мир и демократию играет Федерация индейцев Эквадора, входящая в Конфедерацию трудящихся Латинской Америки. На конгрессе женщин, созванном в защиту мира в 1949 г. в Москве, представительница Эквадора призвала включиться в борьбу за мир 15 млн. индейских женщин, рассеянных на американском континенте.

Интересы национально-освободительного движения народа кечуа совпадают с интересами всего латиноамериканского пролетариата и трудового крестьянства, борющихся против захватнических планов североамериканского империализма, за мир и демократию вместе со всем антиимпериалистическим, демократическим лагерем, возглавляемым великим Советским Союзом.